

КНИГА ЗА КНИГОЙ

СЕМЬ
СИМЕОНОВ

Русские народные сказки

ДЕТГИЗ ~ 1952

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

СЕМЬ СИМЕОНОВ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1952 Ленинград

СЕМЬ СИМЕОНОВ — СЕМЬ РАБОТНИЧКОВ

Жили-были семь братьев, семь Симеонов — семь работничков.

Вышли они раз на поле пашню пахать, хлеб засе-вать. В ту пору ехал мимо царь с воеводами, глянул на поле, увидел семь работничков, удивился.

— Что, — говорит, — такое? На одном поле семь пахарей, расту одинакового и на одно лицо. Разу-знайте, кто такие эти работнички.

Побежали слуги царские, привели к царю семь Симеонов — семь работничков.

— Ну, — говорит царь, — отвечайте: кто вы та-кие и какое дело делаете?

Отвечают ему молодцы:

— Мы семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Пашем мы землю отцовскую и дедову, и каждый своему ремеслу обучен.

— Ну, — спрашивает царь, — кто какому ремеслу обучен?

Старший говорит:

— Я могу сковать железный столб от земли до неба.

Второй говорит:

— Я могу на тот столб влезть, во все стороны посмотреть, где что делается увидеть.

— Я, — третий говорит, — Симеон-мореход. Тяп-ляп — сделаю корабль, по морю поведу и под воду уведу.

— Я, — говорит четвёртый, — Симеон-стрелец. На лету муху из лука бью.

— Я, — пятый говорит, — Симеон-звездочёт. Звёзды считаю, ни одной не потеряю.

— Я, — шестой говорит, — Симеон-хлебороб. За один день вспашу и посею и урожай соберу.

— А ты кто такой будешь? — спрашивает царь Симеона-младшенького.

— А я, царь-батюшка, пляшу-пою, на дуде играю.

Вывернулся тут воевода царский:

— Ох, царь-батюшка! Работнички нам надобны. А плясуна-игреца вели прочь прогнать. Такие нам не надобны. Только зря хлеб едят да квас пьют.

— Пожалуй, — говорит царь.

А Симеон-младшенький поклонился царю, да и говорит:

— Дозволь мне, царь-батюшка, моё дело показать, на рожке песенку сыграть.

— Что ж, — говорит царь, — сыграй напоследок, да и вон из моего царства.

Взял тут Симеон-младшенький берестяной рожок, заиграл на нём плясовую русскую. Как пошёл тут народ плясать, резвы ножки переставляют! И царь пляшет, и бояре пляшут, и стражники пляшут. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притопывают. Петухи, куры приплясывают.

А пуще всех царский воевода пляшет. С него пот ручьями катится, он бородой трясёт, уже слёзы по щекам льются.

Закричал тут царь:

— Перестань играть! Не могу плясать, нет больше моченьки.

Симеон-младшенький говорит:

— Отдыхайте, люди добрые, а ты, воевода, за злой язык, за недобрый глаз ещё попляши.

Тут весь народ успокоился — один воевода пляшет. До того плясал, что с ног упал. Лежит на земле, словно рыба на песке. Бросил Симеон-младшенький берестяной рожок.

— Вот, — говорит, — моё ремесло.

Царь смеётся, а воевода зло затаил. Вот царь и говорит:

— Ну, старший Симеон, покажи своё мастерство!

Взял старший Симеон молот в пятнадцать пудов, сковал железный столб от земли до синего неба. Второй Симеон на тот столб полез, во все стороны поглядывает. Царь ему кричит:

— Говори: что видишь?

Отвечает второй Симеон:

— Вижу — на море корабли плавают; вижу — на поле хлеба зреют.

— А ещё чего?

— Вижу — на море-океане, на острове Буяне, в золотом дворце Елена Прекрасная у окошка сидит, шёлковый ковёр ткёт.

— А она какова? — царь спрашивает.

— Такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под косой — месяц, на каждой волосинке — по жемчужине.

Захотел тут царь Елену Прекрасную себе в жёны добыть. Хотел за ней сватов послать. А злой воевода царя подучивает:

— Пошли, царь-батюшка, за Еленой Прекрасной семь Симеонов — они великие искусники. А не привезут царевну прекрасную — вели их казнь казнить, головы рубить.

— Ну что ж, пошлю! — царь говорит.

И велел он семи Симеоном Елену Прекрасную добыть.

— А то, — говорит, — мой меч — ваши головы с плеч!

Что тут делать? Взял Симеон-мореход острый топор, тяп-ляп — да и сделал корабль, снарядил, оснастил, на воду пустил. Нагрузили корабль товарами разными, подарками драгоценными. Царь велит воеводе злому с братьями ехать, за ними надсматривать. Побелел воевода, а делать нечего. Не рыл бы другому яму — сам бы в неё не попал.

Вот на корабль сели — паруса зашумели, волны заплескали, и поплыли по морю-океану, к острову Буяну.

Долго ли, коротко ли ехали — до чужого царства доехали.

Пришли к Елене Прекрасной, принесли подарки драгоценные, стали за царя сватать.

Елена Прекрасная подарки принимает, рассматривает. А злой воевода ей на ухо шепчет:

— Не ходи, Елена Прекрасная: царь стар, не удал! В его царстве волки воют, медведи бродят.

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала.

— Ну, братцы, — говорит Симеон-младшенький, — вы на корабль идите, паруса поднимите, в путь-дорогу готовьтесь, хлеба запасите, а моё дело — царевну добыть.

Тут Симеон-хлебороб за один час морской песок вспахал, рожь посеял, урожай снял, на всю дорогу хлеба напёк. Корабль изготовили, стали Симеона-младшенького поджидать.

А Симеон-младшенький ко дворцу пошёл. Сидит Елена Прекрасная у окна, шёлковый ковёр ткёт. Сел Симеон-младшенький под окошком на лавочку, такую речь повёл:

— Хорошо у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Руси-матушке во сто крат лучше! У нас луга зелёные, реки синие. У нас поля бескрайные, у заводей берёзки белые, в лугах цветы лазоревые. У нас заря с зарёй сходится, месяц на небе звёзды пасёт. У нас росы медвяные, ручьи серебряные. Вый-

дет утром пастух на зелёный луг, заиграет в берестяной рожок — и не хочешь, а за ним пойдёшь...

Заиграл тут Симеон-младшенький в берестяной рожок. Вышла Елена Прекрасная на золотой порог. Симеон играет, сам по саду идёт, а Елена Прекрасная за ним вослед. Симеон через сад — и она через сад. Симеон через луг — и она через луг. Симеон на песок — и она на песок. Симеон на корабль — и она на корабль.

Тут братья быстрёхонько сходни сбросили, корабль повернули, в сине море поплыли.

Перестал Симеон на рожке играть. Тут Елена Прекрасная очнулась — огляделась: кругом море-океан, далеко остров Буян. Грянулась Елена Прекрасная о сосновый пол, полетела в небо голубой звездой, среди других звёзд затерялась. Выбежал тут Симеон-звездочёт, посчитал на небе звёзды ясные, нашёл звезду новую. Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на сосновый пол, снова стала Еленой Прекрасной.

Говорит ей Симеон-младшенький:

— Не беги от нас, царевна, от нас никуда не спрячешься. Если так тебе тяжело с нами плыть, отвезём тебя лучше к тебе домой — пускай нам царь головы рубит.

Пожалела Елена Прекрасная Симеона-младшенького:

— Не дам тебе, Симеон-певец, за себя голову рубить. Поплыву лучше к старому царю.

Вот они день плывут и другой плывут. Симеон-

младшенький от царевны на шаг не отходит. Елена Прекрасная с него глаз не сводит.

А злой воевода всё примечает, злое дело затевает. Вот уже дом близок, берега видны. Созвал воевода братьев на палубу, подал им чару сладкого вина: — Выпьем, братцы, за родную сторону!

Выпили братья сладкого вина, полегли на палубе кто куда, заснули крепко-накрепко. Не разбудит их теперь ни гром, ни гроза, ни материнская слеза. Было в том вине сонное зелье подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили.

Вот доехали они до родной стороны. Спят старшие братья непробудным сном. Симеон-младшенький Елену Прекрасную к царю снаряжает. Оба плачут-рыдают, расставаться не хотят. Да что поделаешь! Не давши слово — крепись, а давши слово — держись.

А злой воевода вперед к царю побежал, ему в ноги пал:

— Царь-батюшка, Симеон-младшенький на тебя зло таит — тебя убить хочет, царевну себе забрать. Вели его казнить.

Только Симеон с царевной к царю пришли, царь царевну с почётом в терем проводил, а Симеона велел в тюрьму посадить.

Закричал Симеон-младшенький:

— Братцы мои, братцы, шесть Симеонов, выручайте своего младшенького!

Спят братья непробудным сном.

Симеона-младшенького в тюрьму бросили, железными цепями приковали.

Утром-светом повели Симеона-младшенького на лютую казнь. Царевна плачет, жемчужные слёзы льёт. Злой воевода усмехается.

Говорит Симеон-младшенький:

— Царь немилостивый, по старому обычаю исполни ты мою просьбу смертную: дозвожь последний раз на рожке сыграть.

Злой воевода голосом кричит:

— Не давай, царь-батюшка, не давай!

А царь говорит:

— Не нарушу обычаи дедовские. Играй, Симеон, да поскорей — заждались мои палачи, затупились у них острые мечи.

Заиграл младшенький в берестяной рожок. Через горы, через доли рожок тот слышен.

Долетел рожок до корабля. Услыхали его братья старшие — пробудились, встрепенулись, говорят:

— Знать, беда стряслась с нашим младшеньким!

Побежали они к царскому двору. Только схватились палачи за острые мечи, хотели Симеону голову рубить — отколь ни возьмись, идут старшие братья.

Наступили они силой грозной на старого царя:

— Отпусти на волю нашего младшенького и отдай ему Елену Прекрасную!

Испугался царь и говорит:

— Берите братца младшенького, да и царевну в придачу, она мне и так не нравится. Забирайте её скорей.

Ну, и был тут пир на весь мир. Попили, поели, песен попели.

Потом взял Симеон-младшенький свой рожок — плясовую песню завёл.

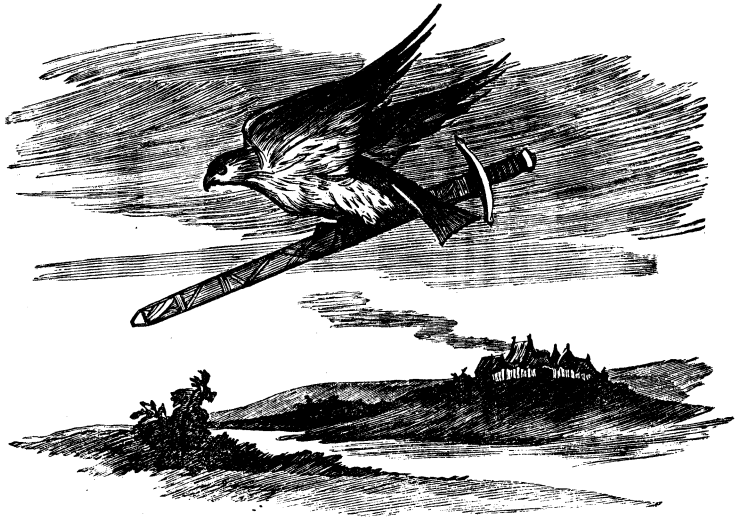
И царь пляшет, и царевна пляшет, и бояре пляшут, и боярышни. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притопывают. Петухи, куры приплясывают.

А пуще всех воевода пляшет. До того плясал, что упал — и дух из него вон.

Свадьбу сыграли, за работу принялись: Симеон-хлебороб хлеб сеет; Симеон-мореход по морям плавает; Симеон-звездочёт звёздам счёт ведёт; Симеон-стрелец Русь бережёт... На всех работы на Русиматушке хватит.

А Симеон-младшенький песни поёт, на рожке играет — всем душу веселит, работать помогает.

СОЛДАТ СЕМЁН — СКОРЫЙ ГОНЕЦ

Жил-был старик, и было у него три сына. Старшего звали Фёдором, среднего — Степаном, а младшего — Семёном.

Возле самой деревни пролежала большая дорога. Была та дорога окольная: вокруг топей, болот да чёрных грязей огибалась. Коли прямо ехать из деревни до стольного¹ города — надо три дня, а болота, топи да чёрные грязи объезжать — три года.

Задумал старик народу пособить — проложить дорогу прямую. Велел сыновьям из болот, из топей воду выпускать, через чёрные грязи настилать

¹ Стольный город — главный город, столица.

мосты кленовые, чтобы ни пешему, ни конному ног не замочить и вместо трёх годов в трои сутки прямоезжим путём из деревни в стольный город попадать.

Принялись за дело: один сын канавы копает да воду спускает, другой — лес валит, а третий — мост мостит, настил стелет. Отец помогает всем да советует, как лучше сделать. Трудились долго ли, коротко ли — сработали мост на сто вёрст.

Хорошо стало проходим, проезжим людям. Идут, едут — и все рады-радехоньки.

— Спасибо, — говорят, — тем, кто этот мост надумал строить да выстроил, великое народу облегченье сделал.

А старик со своими сыновьями опять за крестьянские дела принялись. Лес ронят¹, пенья-коренья корчуют да хлеб сеют, как и прежде.

В ту пору сошлись над мостом солнце, ветер да месяц, слушают людскую молвь и говорят:

— Весь народ старика с сыновьями за доброе дело славит, а живёт старик попрежнему худо: кое-как с хлеба на квас перебивается. Надо помочь ему из нужды выбиться.

Позвали старика и говорят:

— За твою мирскую заботу мы тебя наградим. Проси чего хочешь.

Поклонился старик солнцу, ветру да месяцу:

— Спасибо. Мне, старому, ничего не надобно, помянут люди добрым словом — и то хорошо. Сыновей спрашивайте: у них вся жизнь впереди.

¹ Лес ронить — лес рубить, валить.

Спросили старшего брата — Фёдора:

— Ты дорогу расчищал, мост мостил. Проси себе какой хочешь награды — всё исполнится.

Подумал Фёдор и говорит:

— Я работал не один, а с отцом да с братьями, и не знаю, чего им надобно.

— А ты себе чего просишь?

Отвечает старший брат:

— Вот как бы хлеб хорошо родился, градом бы его не выбивало, морозами не портило — больше мне ничего не надо.

— Всё станется по-твоему, — солнце, ветер да месяц говорят. — Ступай паши да сей — всегда будешь с хлебом.

Спросили среднего брата — Степана:

— Ты с отцом да с братьями дорогу через топи, болота прокладывал да мост мостил. Проси какую хочешь награду — всё исполнится.

Подумал Степан, подумал: «Денег выпросить — пройдут деньги, и останусь ни с чем; лучше всего ремесло узнать», — и говорит:

— Больше всего по душе мне плотницкое ремесло. Вот как бы обучиться тому мастерству: скоро да хорошо работать! Стал бы избы рубить, дома строить — всегда сыт буду.

— Ступай, — солнце, ветер да месяц говорят, — будешь ты самым искусным плотником, и все тебя станут почитать-уважать.

Позвали меньшого брата, Семёна:

— А тебе какую награду дать за то, что с отцом да с братьями болота, топи осушал, мост замостил?

Фёдор захотел пахарем остаться, Степан — мастеровым стать, а у тебя к какому делу прилежанье?

Семён отвечает:

— Пуще всего мне охота солдатом стать.

— Ты ещё совсем молодой, — солнце, ветер да месяц говорят, — нигде не бывал, ничего не видал. Трудно тебе покажется в солдатах служить. Как бы после каяться не стал!

И обернули Семёна серым зайцем:

— Сбегай погляди сперва на солдатское житьё-бытьё.

Побежал Семён серым зайцем, поглядел на солдат. Учат их строем ходить: «Раз, два! Раз, два!» Заставляют всех сразу поворачиваться: «Налево! Направо! Кругом!» Учат через рвы, канавы перескакивать. Учат быстрые реки переплывать, из ружей палить и штыками колоть: «Раз, два! Раз, два!» Утром будят солдат ни свет ни заря и до вечерней зари обучают.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и спрашивают:

— Видал, сколь трудно в солдатах служить?

— Видал, — отвечает Семён. А сам на своём стоит: — Охота мне солдатом стать.

Обернули его солнце, месяц да ветер быстроногим оленем:

— Беги прямо на полдень три дня, никуда не сворачивай — погляди ещё раз на солдат.

Бежал Семён быстроногим оленем прямо на полдень три дня и увидал большое войско в походе.

Каждый солдат тяжёлую поклажу несёт. Солнце солдат палит и жажда донимает, дождик мочит и холод томит. Идут: то грязь по колено, то пыль столбом поднимается. Идут полки с утра день до вечера: «Раз, два! Раз, два!» Все, как один человек, шагают.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и говорят:

— Те полки, что ты видал, идут на войну. Видал, сколь трудны солдатские походы? Может, теперь передумал и другого чего попросишь?

А Семён одно твердит:

— Хочу солдатом стать.

Тогда солнце, ветер да месяц обернули его третий раз, ясным соколом:

— Слетай погляди, как бьются солдаты, сражаются.

Полетел Семён ясным соколом. Три дня летел и увидал сраженье, кровавый бой.

Те солдаты, что в походе были, грудью сошлись с неприятелем. Из ружей палят, будто гром гремит; дым кругом расстилается. Колют штыками, саблями рубят. Одна нога прочь — на другой стоит; одна рука прочь — другой палит. И дрогнули вражеские полчища, побежали.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и спрашивают:

— Поглядел, как трудно солдатам на войне? Пойдёшь ли теперь в солдаты?

А у Семёна сердце разгорелось пуще прежнего:

— Хочу в солдатах служить, свою землю от врага оборонять!

— Ну, будь по-твоему, — солнце, ветер да месяц говорят. — А коли понадобится тебе когда неприятеля высмотреть либо куда поспешить придётся, вспомни зайца да ударься оземь — и станешь зайцем, а потом перекинься через себя — опять в человека обернёшься. Вспомнишь оленя, ударься оземь — станешь оленем, а сокола вспомнишь да оземь ударься — соколом полетишь.

И стал Семён солдатом.

Служил он год ли, два ли — и тут случилась война: иноземный король с большим войском напал на царство. Все солдаты в поход снарядились, и сам царь повёл полки на войну.

Шли три месяца и сошлись с неприятелем. Вражеские полчища совсем близко. Надо бой начинать.

В ту пору хватился царь своего меча-кладенца — нет меча, дома позабыл. А без того чудесного меча-кладенца как царю в бой идти?

И кликнул царь клич по всем полкам:

— Кто скорее всех принесёт из дворца мой меч-кладенец, того за верную службу на своей дочери Марье-царевне женю и при жизни зятю треть царства отпишу, а после моей смерти и всё царство ему достанется.

Охотников выискалось много. Одни хвалятся:

— Мы в месяц обернёмся — меч принесём!

Иные берутся и через две недели воротиться. А один боярин посулился в десять дней за мечом-кладенцом съездить.

Солдат Семён говорит:

— Как бы меня послали — я в сутки бы управился.

Дошла та весть до царя. Царь обрадовался, позвал солдата Семёна и подаёт письмо:

— Ступай, передай Марье-царевне письмо, она тебе меч-кладенец даст. Коли принесёшь в срок — быть тебе моим зятем.

Рано поутру отправился Семён в путь-дорогу. Отошёл с версту, скрылся из виду и вспомнил про зайца. Ударился оземь и поскакал серым зайцем. С горки на горку поскакивает, бежит во всю заячью прыть. Потом обернулся оленем быстроногим и ещё того скорее побежал.

Бежал, бежал оленем — притомился, обернулся ясным соколом и к полудню попал в стольный город. Сделал над городом круг, спустился возле царского дворца и залетел в окно, в горницу к Марье-царевне. Увидала она сокола, бросилась ловить, а сокол перекинулся через голову и стал перед Марьей-царевной пригожим молодцем. Подал ей грамотку:

— Царь-государь послал меня за мечом-кладенцом.

Марья-царевна грамотку прочитала и тотчас принесла меч-кладенец. Солдата Семёна напоила, накормила, стала выпрашивать:

— Как тебе удалось ясным соколом обернуться? Покажи мне.

Семён ударился об пол и полетел по горнице ясным соколом. Сделал круг, опустился возле царевны. Она успела выдернуть одно соколиное пёрышко.

Сокол перекинулся через голову и обратился добрым молодцем. Другой раз ударился об пол — серым заяшкой по горнице побежал. Она выстригла клочок заячьей шерсти. В третий раз ударился Семён об пол и стал перед девицей быстроногим оленем. Марья-царевна погладила оленя и выстригла клочок оленьей шерсти. Перекинулся олень через голову — стал опять добрым молодцем.

Солдат Семён Марье-царевне приглянулся, и она ему тоже по сердцу пришлась. Да не время было беседу вести. Помнил Семён о деле, стал с царевной прощаться. Она его за белые руки взяла, своим суженым назвала.

Тут добрый молодец ударился об пол, обернулся ясным соколом, прихватил меч-кладенец и вылетел из царских покоев. Марья-царевна к окошку села и глядела ему вслед, покуда видеть могла в небе ясного сокола.

Долго ли, коротко ли — соколом летел, крылья натрудил, серым зайцем поскакал, потом оленем быстроногим побежал и к вечеру попал к своим войскам. Оставалось всего с версту пройти. Перекинулся олень через голову — стал добрым молодцем. И так Семён притомился, шагу вперёд ступить не может. Сел возле глубокого оврага под раkitовый куст и сразу задремал. Сквозь сон думает: «Дай посплю часок-другой — успею к сроку попасть». Привалился и уснул крепким сном.

Спит солдат Семён, никакой беды-невзгоды не чувствует над собой.

В ту самую пору случилось боярину, что сулился

в десять дней съездить за мечом-кладенцом, мимо проходить. Смотрит он — царский гонец спит и рядом меч-кладенец лежит. Сперва боярин подивился, а потом выхватил саблю, отсек солдату Семёну голову. Кинул тело в овраг, взял меч-кладенец и понёс царю:

— Вот, царь-государь, посулился я в десять дней управиться, а сумел в один день обернуться, не то что солдатишка-самохвал. Он и двадцати вёрст ещё не успел пройти: сейчас сюда ехал — встретил его; через полгода в стольный город попадёт.

Царь подивился, взял меч в руки:

— Тот самый!

Боярина похвалил и спрашивает:

— Что нового в стольном городе? Всё ли там благополучно? И как тебя Марья-царевна приняла? Ведь я грамотку-то свою с солдатом послал.

— В стольном городе всё спокойно. Ожидают тебя, царь-государь, с победой. А Марья-царевна мне, твоему боярину, и без грамотки поверила — я ей всё на словах рассказал — и подала меч-кладенец да кланяться велела.

На другое утро повёл царь свои войска на неприятеля. Наголову разбили они вражеские полчища в том бою. Половину иноземных солдат порубили, другую половину в полон взяли. Только королю с ближними генералами удалось убежать.

Велел царь после победы своим войскам отдыхать. Выкатили бочки с вином, угощение поставили и стали пир пировать. Трубы трубят, барабаны бьют, музыка играет, песни поют. А как отпировали пир,

отправилось войско в обратный путь. Везде их в дороге с радостью встречают, прославляют.

Много ли, мало ли времени прошло — увидал месяц в овраге убитого солдата Семёна и ветру да солнцу говорит:

— Служил Семён верой и правдой, да погиб не в бою, а от чьей-то злодейской руки. Надо его оживить, из беды вызволить.

Солнце посылает:

— Лети, ветер, за тридевять земель, в тридесятое царство, достань у царицы Долгоноски живой и мёртвой воды.

Добыл ветер живой и мёртвой воды, воротился.

Спрыснули тело мёртвой водой — затянулась рана, приросла голова, как надобно быть. Спрыснули живой водой — вздохнул солдат Семён, открыл глаза, на ноги поднялся:

— Батюшки-светы, уж не проспал ли я?

Сам кругом оглядывается, ищет меч-кладенец.

— Век бы тебе тут спать, коли бы мы тебя не оживили, — солнце, ветер да месяц говорят. — Война давно окончилась, войско с победой в столицу воротилось. Надобно и тебе туда поспешать, а то поздно будет.

Солдат Семён солнцу, ветру да месяцу всё про свою службу рассказал, за помощь поблагодарил и побежал серым зайцем. Потом обернулся быстроногим оленем. Бежит, торопится — не близок путь!

Сколь велика земля у нас — конца-краю ей нету! Бежал, бежал оленем, притомился — обернулся ясным соколом.

Летит над лесами дремучими, над полями широкими, над быстрыми реками, над высокими горами. Под ним сёла, города раскинулись — просторно стоят.

И вот показался стольный город. Опустился ясный сокол близ заставы, перекинулся через себя — обернулся добрым молодцем.

А в городе все дома изукрашены. Пушки палят, колокола звонят, и народ разряжен по-праздничному. Все смеются, шумят, «ура» кричат.

Спрашивает солдат Семён у горожан:

— Что за праздник в городе?

Удивляются прохожие:

— Видать, ты издалёка пришёл, коли ничего не знаешь. Недавно воротились с победой наши войска. И вот весь народ прославляет своих солдат да воевод, а пуще всех славит боярина: он в одни сутки меч-кладенец из дворца на поле боя царю принёс. Сегодня женится тот боярин на Марье-царевне, и весь народ зовут во дворец, на свадебный пир.

Солдат Семён выпросился у одной старушки на постой. Поотдохнул немного, потом умылся, принарядился, взял гусельцы и пошёл на свадьбу.

На царском дворе столы расставлены. Хмельных питьёв да разных заедок на них полным-полно. Столы на дворе — для всех гостей. А на красном крыльце, за особым столом, у всех на виду, — царь с царицей, жених с невестой да ближние бояре сидят.

Все на пиру пьют, едят, веселятся. Одна невеста не весела. Народ переговаривается:

— Неохотой Марья-царевна за боярина идёт: слышно, силком отдают.

Примостился солдат Семён у последнего стола, выпил чару зелёна вина и стал в гусельцы потихоньку наигрывать, пословечно жалобнёшенько выговаривать:

— Охти мне, да переохти мне,
Позабыла меня красна девица душа!
А давно ли она, красна девица душа,
Речью ласковой улещала, своим суженым называла,
Из окошечка меня, ясна сокола, выпускала...

Марья-царевна встрепенулась, как услышала песню. Стала по сторонам поглядывать и увидела солдата Семёна. С места поднялась, отлучилась на малое время из-за стола, воротилась и говорит:

— Царь-государь, не вели казнить, вели слово вымолвить.

Царь позволил:

— Говори, любезная дочь!

Марья-царевна поклонилась на все четыре стороны, а отцу с матерью в особицу:

— Знаешь ли ты, царь-государь, что не тот мой суженый, что возле меня сидит, а тот мой суженый, что за крайним столом на дворе в гусельцы наигрывает?

Тут царь с царицей, и жених, и бояре, и все гости переполошились:

— Что такое? Что с невестой приключилось?

А Марья-царевна говорит:

— Покажи, солдат Семён, как ты мог скоро сбегать за царским мечом-кладенцом.

Вышел Семён из-за стола, ударился оземь — серым заюшкой побежал. Сделал круг по двору и вскопчил на красное крыльцо.

Марья-царевна узелок развязала, достала заячьей шерсти клочок:

— Поглядите-ка, батюшка с матушкой, и вы все, гости, откуда у меня заячья шерсть?

Приложила клочок шерсти к тому месту, где выстригла, и все видят: как тут и было.

Перекинулся Семён через голову — обернулся добрым молодцем и опять ударился оземь — стал оленем.

Вынула царевна клочок оленьей шерсти, и все видят: та самая и есть.

Потом Семён обернулся ясным соколом. Приложила царевна соколиное перо: оно как тут и было.

Солдата Семёна с Марьей-царевной повенчали, и стал он главным воеводой в том царстве. А злодея-боярина в темницу кинули.

МАТЮША ПЕПЕЛЬНОЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, от дороги в стороне, жили-были старик со старухой. У них был сын, по имени Матюша.

Рос парень не по дням, а по часам, будто тесто на опаре поднимался, а пуще того ума-разума набирался.

На пятнадцатом году стал он проситься у отца с матерью:

— Отпустите меня! Пойду свою долю искать.

Заплакала мать, принялась уговаривать:

— Ну куда, сынок, пойдёшь! Ведь ты ещё совсем малый, нигде не бывал, ничего не видал.

И старик кручинный сидит. А Матюша стоит на своём:

— Отпúстите — уйду и не отпúстите — уйду. Всё равно дома жить не у чего.

Потужили родители, погоревали, да делать нечего — напекли подорожников, распростились. И отправился Матюша в путь-дорогу.

Шёл он долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и зашёл в глухой, тёмный лес. И началось тут великое ненастье: пошёл сильный дождь с градом. Полез Матюша на самый матёрый¹ дуб — от бури ухорониться, а там на суку гнездо. В гнезде птенцы пишат. Голодно им и холодно; бьёт их градом, дождём мочит. Жалко их стало Матюше, снял он с себя кафтан, прикрыл гнездо и сам укрылся. Покормил птенцов из своих дорожных запасов.

Много ли, мало ли прошло времени — унялась буря-непогода, показалось солнышко. И вдруг опять всё кругом потемнело, шум пошёл. Налетела большая птица Магай и стала бить, клевать Матюшу.

Заговорили птенцы:

— Не тронь, мать, этого человека — он нас своим кафтаном укрыл, накормил и от смерти спас.

¹ Матёрый — очень большой, крепкий.

— Коли так, — молвила птица Магай, — прости меня, добрый молодец, я тебя за лиходея приняла. А за то, что моих детей накормил да от ненастья укрыл, я тебе добром отплачу. Возле дуба кувшин зарыт, отпей из того кувшина ровно три глотка — и увидишь, что будет.

Спустился Матюша наземь, выкопал кувшин из земли и отпил из него ровно три глотка.

Спрашивает птица Магай:

— Ну как, чувствуешь ли в себе перемену?

— Чую в себе такую силу, что кабы вкопать в землю столб до небес да ухватиться за тот столб, так перевернул бы землю-матушку.

— Ну, теперь ступай, да помни: силой своей попусту не хвались, ни от какой работы не бегай, а если беда приключится, кувшин с целебным питьём ищи на прежнем месте.

И опять потемнело всё кругом: расправила птица крылья, поднялась над лесом и улетела.

Вышел Матюша из лесу. И в скором времени показался на пути большой город. Только миновал заставу, как навстречу царский дворецкий:

— Эй ты, деревенщина, посторонись!

Матюша посторонился, а царский дворецкий остановил коня и говорит:

— Что, молодец, дела пытаешь или от дела лытаешь? Коли дела ищешь, пойдём, я тебя в работу определю — будешь на царский двор воду возить.

Стал Матюша царским водовозом. От утренней зари до позднего вечера воду возит, а ночевать ему негде: всё царской дворней занято. Нашёл себе место

для ночлега на заднем дворе, куда всякий мусор да печную золу — пепел — сваливали. И прозвали его на царском дворе Матюша Пепельной.

Царь был неженатый и всё искал невесту: та не по нраву, другая нехороша — так и ходил холостой. А тут дошла молва: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть у царя Вахрамея дочь-богатырка — такая красавица, что лучше на всём свете не сыскать. Ездили в Вахрамеево царство свататься и царевичи и королевичи, да назад никто не воротился: все там сложили головы.

Узнал царь про заморскую царевну и думает: «Вот как ту царевну высватаю, станут мне все цари, короли завидовать. Пойдёт слава по всем землям, по всем городам, что краше моей царицы никого на свете нет».

И тут же приказал корабль снарядить. А сам созвал князей да бояр и спрашивает:

— Есть ли охотники ехать за тридевять земель, в тридесятое царство сватать за меня Настасью Вахрамеевну?

Тут большой хоронится за среднего, а средний — за меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На другой день созвал царь боярских детей и именитых купцов и опять спрашивает:

— Кто из вас поедет за тридевять земель, в тридесятое царство сватать за меня Настасью Вахрамеевну?

Опять большой хоронится за среднего, средний — за меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На третий день кликнули на царский двор всех

посадских людей. Вышел царь на красное крыльцо и говорит:

— Кто из вас, ребяташки, поедет за тридевять земель, в тридесятое царство сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну?

Выискались тут охотники ехать в заморские края — не хватает только одного человека. А в ту пору ехал мимо Матюша с водой.

Крикнул царь:

— Эй, Матюша Пепельной, поедем с нами за море — сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну!

Отвечает Матюша:

— Не по себе ты, царское величество, надумал дерево рубить, как бы после каяться не стал!

Рассердился царь:

— Не тебе меня учить! Твоё холопское дело — меня слушаться.

Ничего больше не сказал Матюша Пепельной и пошёл на корабль.

Скоро собрались все охотники — и отвалило судно от пристани.

Плывут они день и другой. Погода выдалась ясная, тёплая.

Вышел царь на палубу, довольный, весёлый:

— Эх, божья благодать! Как бы конь — мне гулять; как бы лук — мне стрелять; как бы меч — стал бы сечь; как бы красную девицу мне поцеловать!

А Матюша Пепельной ему говорит:

— Будет лук, да не для твоих рук; будет меч, да не тебе им сечь; будет добрый конь, да не тебе на

нѣмъ ездить; будетъ и красная девица, да не тебе ею владеть.

Разгневался царь за такие речи пуще прежнего. Велел онъ Матюше Пепельному руки, ноги сковать да къ мачтѣ привязать.

— А воротимся домой после свадьбы — велю голову отрубить.

Прошло ещё время шесть недель — и приплыл корабль къ Вахрамееву царству. Завели судно в гавань, а на другой день отправился царь къ Вахрамею во дворец:

— Ваше величество, я царь из такого-то славного государства и прибыл къ тебе по доброму делу: хочу высватать Настасью Вахрамеевну.

— Вот и хорошо, — промолвил царь Вахрамей, — давно у нас женихов не было, заскучала наша Настасья Вахрамеевна. Только, чур, уговор дороже всего. Дочь у меня сильная, могучая богатырка; коли ты богатырь и сильнее её, исполни три задачи и веди царевну под венец, а нет — не прогневайся: мой меч — твоя голова съ плеч. Ступай теперь отдыхай, а завтра чуть свет приходи со всей своей дружиной. Дамъ тебе первую задачу. Есть у меня въ саду дуб, триста годов ращён. Дамъ я тебе меч-кладенецъ весомъ въ сто пудовъ. Коли перерубишь съ одного удара тотъ дубъ моимъ мечомъ, станемъ тебя женихомъ почитать.

Воротился царь-женихъ на свой корабль туча тучей.

Спрашиваютъ дружинники:

— Что, царь-государь, невесел, буйную голову повесилъ?

— Да как тут, ребяташки, не кручиниться! Велено мне завтра стопудовым мечом самый что ни есть матёрый дуб с одного раза перерубить. Совсем напрасно этакую даль ехали — и поближе бы невеста нашлась не хуже здешней. Надо якоря катать да с ночной водой прочь идти.

— Нет, — говорит Матюша Пепельной, — негоже нам воровски, ночью, уходить, себя позорить. Я ещё на море сказал: «Будет меч, да не тебе им сечь». Вот и вышло по-моему. Ну да ладно, утро вечера мудренее. Ложись, ваше величество, спать, а как придём завтра к царю Вахрамею, ты скажи: «Таким ребячьим мечом пусть кто-нибудь из моих слуг потешится, а мне и приниматься нечего».

Услышал эти речи царь-жених и обрадовался:

— Ну, Матюша Пепельной, если вызволишь из беды, век твоё добро помнить буду! Эй, дружина, отвяжите Матюшу Пепельного от мачты, снимите с него железо и выдайте ему чарку водки.

А сам ходит гоголем:

— Хорошее здесь царство, и сам Вахрамей хоть не в мою статью, а тестем назвать можно.

На другой день пришли сваты к царю Вахрамею, а там уже собрался весь народ, и Настасья Вахрамеевна в тереме у окна сидит. Увидал её Матюша Пепельной, и так ему стало хорошо да весело, будто летним солнышком обогрело.

Повели их к могучему дубу. Три богатыря меч несут.

Поглядел царь-жених на меч и усмехнулся:

— У нас этакими-то мечами только малые ребята

тешатся! Пусть кто-нибудь из моих слуг побалуется, а мне не к лицу и приниматься.

Тут вышел Матюша Пепельной, взял меч одной рукой:

— Да, не для царской руки игрушка!

Размахнулся и разбил дуб в мелкие щепочки, а от меча только рукоятка осталась.

Взглянула царевна на Матюшу Пепельного и зарделась-зарумянилась, будто маков цвет.

Тут царь-жених совсем осмелел:

— Кабы не родню заводить приехал сюда, за насмешку бы посчитал такой ребячий меч!

— Вижу, вижу, — говорит царь Вахрамей, — с первой задачей управились. Завтра поглядим, умеет ли жених стрелять. Есть у меня лук весом в триста пудов, а стрелы по пяти пудов. Надо из такого лука выстрелить и сбить одну маковку со старого терема в царстве моего шурина, Берендея. Я сегодня туда гонцов пошлю, а завтра к вечеру они воротятся и скажут, метко ли ты стреляешь.

Замолчал царь-жених. Воротился на корабль сам не свой.

— Право слово, как бы знал дорогу домой да умел судном править, часу бы не остался. Вели-ко, капитан, якоря катать, нечего тут делать нам. И царство невесёлое и в невесте завидного ничего нет — пойдём прочь.

— Нет, ваше величество, — говорит Матюша, — не честь нам, а бесчестье — тайком убегать.

— Да что станешь делать! Слышал ты, какую задачу дал царь Вахрамей? Ну их и с луком и с невестой!

— А помнишь, я тебе сказал: «Будет лук, да не для твоих рук»? Так оно и вышло. Не надо было выше рук дерево ломать. Не послушался меня — теперь деваться некуда. А о луке ты не печалься. Завтра, как придём, скажи: «Я думал, у вас богатырский лук, а тут бабья забава. Может, кто из моих слуг не побрезгает, а мне в том чести мало!»

— Ох, Матвеюшка Пепельной, неужто ты можешь с таким луком совладать?

— Как-нибудь да справлюсь, — Матюша отвечает.

Развеселился царь:

— Дайте-ка поскорее всей команде по чарке вина, а Матюше Пепельному две чарки ставлю.

Выпил и сам на радости и захмелел:

— Ах, и до чего же хороша невеста! Всем взяла: и ростом, и дородством, и убожеством. Вот женюсь — и краше царицы, чем моя Настасья Вахрамеевна, на всём свете ни у кого не будет. А тебе, Матюша Пепельной, отпишу во владенье город с пригородками.

Слушает Матюша хмельную речь, усмехается.

Наутро все опять отправились к Вахрамею во дворец. А там народу полным-полно. На красном крыльце сидят царь Вахрамей да Настасья Вахрамеевна, на ступеньках пониже — князя да бояре.

Девять богатырей лук несут, а три богатыря — колчан со стрелами.

Встречает сватов царь Вахрамей:

— Ну, наречённый зятюшка, принимайся за дело.

Поглядел жених на лук и говорит:

— Да что вы надо мной насмехаетесь: вчера ребячий меч принесли, сегодня — какой-то лучишка, бабам для забавы, а не богатырю стрелять. Пусть уж кто-нибудь из моих слуг, кто послабее, выстрелит, а мне и глядеть-то противно. Поди-ка хоть ты, Матюша Пепельной, потешь народ.

Натянул Матюша Пепельной тетиву, прицелился и спустил стрелу.

Запела тетива, загудела стрела, будто гром загремел, и скрылась из виду.

— Уберите-ко этот лучишко с глаз долой: эта забава не для нашего царя.

И кинул лук на каменный настил, да так, что от него только куски полетели в разные стороны.

Настасья Вахрамеевна руками всплеснула и ахнула.

Зашумел народ:

— Вот так сваты-молодцы! Эдаких ещё у нас не бывало.

А царь-жених похаживает, бороду разглаживает, на всех свысока поглядывает:

— Эко ли чудо, эко ли диво тот ребячий лук! Царство у вас хоть и весёлое, да уж больно маленькое, и народ, видать, хороший, приветливый, только жидковат против нашего.

Тут царь Вахрамеем всех сватов во дворец позвал:

— Проходите, сватушки, в горницу хлеба-соли отведать, а той порой, глядишь, и гонцы из Берендеева царства воротятся.

Столованье ещё не кончилось, как прискакали от Берендея гонцы:

— Попала стрела прямо в старый терем и сшибла весь шатровый верх, а из людей никому урону нет.

Говорит царь Вахрамей:

— Ну вот, теперь вижу, есть у Настасьи Вахрамеевны сваты в ровню ей: и мечом богатырским умеют сечь и стрелять горазды. Спасибо, утешили невесту, и меня, старика, и весь народ мой. А теперь не обессудьте, гости дорогие, за угощение: то не свадебный пир, а пирушка — свадебный пир ещё весь впереди. Ступайте сегодня отдыхать, а завтра последнюю задачу надо исполнить. Есть у меня конь. Стоит на конюшне за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками. И нет тому коню наездника. Кто ни пробовал ездить, никого в живых конь не оставил. Вот надо того коня объездить, тогда будет на ком жениху под венец ехать.

Услышал Вахрамеевы речи царь-жених и сразу притих, стал прощаться:

— Спасибо, ваше величество, за угощение, надо нам торопиться, засветло на корабль попадать.

— Отдыхай, отдыхай, набирайся сил — эдакого чортушку надо будет усмирять, — сказал царь Вахрамей.

Спустились гости в гавань, и только отвалили от берега, заговорил царь-жених:

— Поторапливайтесь, ребятушки, гребите дружнее. Поскорее надо на судно попасть да ночью прочь уходить. Вахрамей мягко стелет, да жёстко спат: что ни день, то новая беда. Понадобилось ему бешеного коня объезжать!

А Матюша Пепельной ему:

— Помнишь ли, ваше величество, как я тебе говорил: «Будет добрый конь, да не тебе на нём ездить»? Опять по-моему выходит. А убежать из-за этого не надобно. Завтра ты скажи: «Сядь-ко, Матюша Пепельной, попытай коня, сдержит ли богатыря» — и после меня уж сам спокойно садись.

— Ну, а как он, такой зверь, да убьёт тебя? Тогда ведь и мне смерти не миновать.

— Не бойся ничего — я коня усмирю.

— Ну, Матюша Пепельной, век твоих услуг не забуду! Был ты водовозом, а теперь тебя жалую царским воеводой. Отпишу тебе три города с пригородками, три торговых села с присёлками.

А сам по палубе щепетко ходит¹, покрикивает:

— Чего, дружинишка, приумолкла? Жалую всем по три чарки вина.

Выпил царь чарку, другую, порасхвастался:

— Много к Вахрамею приезжало женишков, да никому такого почёту не было, как мне. Сказано: кто смел да удай — тому и удача. Недаром Настасья Вахрамеевна глаз не отводила, всё глядела на меня. А царь Вахрамей рад всё царство отдать, лишь бы я на попятную не пошёл.

Тут он совсем захмелел и повалился спать.

Утром Матюша Пепельной встал раненько, умылся беленько, будит царя:

— Вставай, ваше величество, пора идти, коня объезжать.

¹ Щепетко ходит — ходит мелкими шажками, красуясь.

И скоро пошли на царский двор.

На красном крыльце сидят царь Вахрамей да Настасья Вахрамеевна, а пониже, на ступеньках, подколенные князья да ближние бояре.

— Пожалуйте, гости дорогие, у нас всё готово. Сейчас коня приведут.

И ведут коня двадцать четыре богатыря, вместо поводов — двенадцать толстых цепей. Богатыри из последних сил выбиваются.

Оглядел царь-жених коня и кричит:

— А ну-ка, Матюша Пепельной, попытай, можно ли богатырю ехать!

Изловчился Матюша Пепельной, вскочил на коня. Едва успели отбежать богатыри, как взвился конь выше царских теремов и укатил добрый молодец с царского двора.

Выехал он на морской берег, пустил коня в зыбучие пески, а сам бьёт его цепями по крутым бёдрам, рассекает мясо до кости. И до тех пор бил, пока конь на коленки не упал.

— Что, волчья сыть, травяной мешок, ещё ли будешь супротивиться?

Взмолился конь:

— Ох, добрый молодец, не бей, не калечь! Из твоей воли не выйду.

Повернул Матюша Пепельной коня и говорит:

— Воротимся на царский двор, оседлаю тебя, и как сядет верхом царь-жених, ты по щётки¹ в землю проваливайся, а плетью ударит — на коленки пади.

¹ Щётка — здесь: пучок волос у лошади над копытом.

Пади так, будто на тебе ноша в триста пудов. Будешь самовольничать — насмерть убью, воронам скормлю.

— Всё исполню, как ты сказал.

Приехал Матюша Пепельной на царский двор, а царь-жених спрашивает:

— Повезёт ли конь богатыря?

— Подо мною дюжит, а как под тобой пойдёт, не знаю.

— Ладно, седлайте поскорее, сам испытаю.

Оседлали коня — и только царь-жених вскочил в седло, как конь по щётки в землю ушёл.

— Хоть не дюже, а держится подо мной.

Хлестнул плетью легонько — конь на колени пал.

Царь Вахрамей с Настасьей Вахрамеевной и князя с боярами дивятся:

— Этакой силы ещё не видано!

А царь-жених слез с коня:

— Нет, Матюша Пепельной, не богатырям на таких одрах ездить — на таких клячах только воду возить. Уберите его с глаз долой, а то выкину в поле, пусть сороки да вороны пообедают.

Велел царь Вахрамей коня увести и стал прощаться.

Тут царь-жених спрашивает:

— Ну, ваше величество, мы все твои службы справили, пора свечку зажигать да дело кончать.

— Моё слово нерушимое, — ответил царь Вахрамей.

И приказал дочери к свадьбе готовиться.

В царском житье ни пива варить, ни вина курить — у царя Вахрамея всего вдоволь.

Принялись весёлым пирком да за свадебку.

Повенчали царя с Настасьей Вахрамеевной, и пошло столованье, весёлый пир.

Сидит Настасья Вахрамеевна за свадебным столом: «Дай-ка ещё раз у мужа силу попытаю».

Сжала ему руку легонько, вполсилы. Не выдержал царь: кинулась кровь в лицо и глаза под лоб закатил. Подумала царевна: «Ах, вот ты какой богатырь могучий! Славно же удалось меня, девушку, обманом высватать, да и батюшку обманул».

Виду не показывает, вина подливает, потчует:

— Кушай, царь-государь, мой муж дорогой.

А в мыслях держит: «Погоди, муженёк, даром тебе этот обман не пройдёт».

День ли, два ли там погуляли, попиروвали, стал прощаться молодой царь:

— Спасибо, тещушко, за хлеб, за соль, за ласковый приём. Пора нам домой ехать.

Приданое погрузили, распростились, и вышло судно в море.

Плывут они долго ли, коротко ли, вышел царь на палубу; смотрит — спит Матюша Пепельной крепким богатырским сном. Вспомнил тут царь Матюшины слова: «Будет меч, да не тебе им сечь; будет лук, да не для твоих рук; будет конь, да не тебе на нём ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть», и крепко разгневался: «Где это слыхано, чтобы холоп так с царём говорил!»

Запала ему на сердце дума чёрная. Выхватил

меч, отрубил сонному слуге ноги по колен и толкнул его в море.

Подхватил Матюша Пепельной ноги в руки — надобно как-нибудь к берегу прибаваться. Плыл он, плыл, долго ли, коротко ли, совсем из сил выбиваться стал. А в ту пору подняла его волна и выкинула на берег. Отдохнул он малое время и вспомнил про птицу Магая: «Ну, не век тут лежать! Хоть катком покачусь, а достигну того места, где кувшин с целебным питьём закопан».

Вдруг видит: идёт к берегу человек, на каждом шагу спотыкается.

Крикнул Матюша Пепельной:

— Куда идёшь? Не видишь разве, что впереди вода?

— То-то есть, что тёмный я — не вижу пути.

— Ну, тогда ступай на мой голос.

— А ты кто таков и чего тут делаешь?

— Я лежу — ходить не могу: у меня ноги по колен отрублены.

Подошёл слепой поближе и говорит:

— Коли ты зрячий, садись ко мне в котомку. Я тебя понесу, а ты путь указывай.

Посадил слепой Матюшу Пепельного в свою котомку:

— Слышал я от старых людей: есть где-то живая вода. Вот бы нам с тобой найти! Ты бы той водой ноги исцелил, а я бы глаза помазал и свет увидал.

— Знаю, где целебное питьё есть. Неси меня, а я путь стану указывать.

Вот они идут и идут. Скоро сказка сказывается,

не скоро дело делается, а слепой с безногим вперёд подвигаются. Устанут идти — отдохнут, ягод да грибов поедят, а иной раз и дичиной разживутся, и опять в путь-дорогу.

Так шли полями широкими, лесами тёмными, через мхи-болота переправлялись и пришли в тот лес, где Матюша Пепельной в ненастье птенцов обогрел. Подошли к приметному дубу, снял слепой котомку с плеч. Подкатился Матюша Пепельной к дереву и скоро выкопал медный кувшин. Помазал целебным питьём глаза своему названому брату — слепой прозрел. Плачет и смеётся от радости:

— Спасибо, добрый человек! Век твоё добро помнить буду.

— Теперь пособи мне ноги прирастить.

Приставили ноги как надобно быть, прыснули живой водой — приросли ноги.

— Ну вот, оба мы справились, — говорит Матюша Пепельной. — Пойдём теперь проведаем, что творится в нашем царстве. Царь меня за верную службу щедро наградил — сонному ноги по колен отсек да в море кинул. Надо с ним повидаться и за всё его добро отплатить сполна.

Выпили они по глотку целебного питья — и всю усталость как рукой сняло, а сила удвоилась против прежнего.

Вышли из лесу — и скоро показался впереди город. Перед самым городом на царских лугах большое стадо коров пасётся. Подошли поближе — и признал Матюша Пепельной в коровьем пастухе своего прежнего царя.

Спрашивает:

— Чьё это царство?

Заплакал пастух:

— Ох, люди добрые, не знаете вы моего горя! Было это царство моё и был я раньше царём, а теперь вот коров пасу. Много времени царил неженатым, потом высватал за тридевять земель, в тридесятом царстве, у царя Вахрамея дочь-богатырку, Настасью Вахрамеевну. Вызнала она, что нет во мне силы богатырской, и велела мне коров пасти, а сама на царство заступила. Каждый день, как пригоню домой коров, меня бранит, ругает на чём свет стоит и кормит впроголодь.

— А помнишь, я тебе говорил: «Будет и красная девица, да не тебе ею владеть»? Опять, видно, всё по-моему вышло.

Тут царь-пастух узнал Матюшу Пепельного и заплакал пуще прежнего:

— Ох, Матвеюшка Пепельной, пособи мне царство воротить! Я тебя за это министром поставлю, а твоему названому брату воеводство пожалую.

— Ласковый ты, да и на посулы щедрый, когда беда пристигнет, а забыл, как за мою прежнюю службу меня наградил? Надо бы тебя смерти предать, да не хочется рук марать. Уходи из этого царства, чтобы духу твоего здесь не было. Попадёшься ещё раз мне на глаза — пеняй на себя.

Как услышал царь-пастух такие речи, до смерти перепугался и кинулся наутёк. Только того царя и видели.

А Матюша Пепельной со своим названным братом

пришли в город и выпросились у бабушки-задворенки переночевать.

Старуха на Матюшу Пепельного поглядывает:

— Где-то я тебя видела, добрый молодец! Не ты ли раньше на царский двор воду возил?

Признался Матюша Пепельной:

— Я, бабушка.

— Ох ты, дитятко желанное, живой да здоровый воротился! А тут молва пошла, будто нету в живых тебя. Новый водовоз никому ковша не нальёт, а ты всем бедным да увечным давал воды сколько надобно. За то тебя все жалеют да вспоминают.

Принялась бабушка-задворенка по хозяйству хлопотать. Добрых молодцев напоила, накормила, баню истопила. Намылись гости с дороги, напарились и повалились спать. А бабушка-задворенка пошла на царский двор и сказала:

— Воротился в город Матюша Пепельной.

Дошла та весть и до царских покоев. Наутро царица девку-чернавку послала:

— Позови скорее Матюшу Пепельного.

Пришёл Матюша Пепельной на царский двор. Увидала его Настасья Вахрамеевна — с крутого крылечка скорым-скоро сбегала, за белые руки брала:

— Не тот мой суженый, кто коров пасёт, а тот суженый, кто умел меня высватать. Думала, тебя живого нет. Сказывал постылый царь, будто напился ты пьяный на судне да в море упал. Плакала по тебе, тосковала, а постылого прогнала коров пасти.

Рассказал ей Матюша Пепельной всю правду:

как царь ему ноги сонному отрубил да в воду кинул и как они с названным братом живую воду достали.

— А о пастухе и говорить не станем. Теперь его и след простыл, никогда он не посмеет и на глаза показаться.

Повела его царица в горницу, наставила на стол разных напитков да кушаньев. Потчует гостя:

— Кушай, мил-сердечный друг.

Попил, поел Матюша Пепельной, стал прощаться:

— Надо мне отлучиться, родителей проведать.

Велела Настасья Вахрамеевна карету заложить:

— Поезжай, привези поскорее отца с матерью — пусть с нами живут.

Привёз Матюша Пепельной родителей, и тут свадьбу сыграли, пир отпировали.

Матюша Пепельной на царство заступил, а названного брата министром поставил. И стали жить-поживать, добра наживать, а лихо избывать.

ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЧУДО-ЮДО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они — не ленились, целый день трудились, пашню пахали да хлеб засевали.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, города-сёла огнём спалить. Затужили старик со старухой, загоревали. А сыновья утешают их:

— Не горюйте, батюшка и матушка, пойдём мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть. А чтобы

вам одним не тосковать, пусть с вами Иванушка остаётся: молод он ещё, чтоб на бой идти.

— Нет, — говорит Иван; — не к лицу мне дома оставаться да вас дожидаться, пойду и я с чудом-юдом биться!

Не стали старик со старухой Иванушку удерживать да отговаривать — снарядили всех троих сыновей в путь-дорогу. Взяли братья мечи булатные, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали.

Ехали они, ехали и приехали в какую-то деревню. Смотрят — кругом ни одной живой души нет; всё по-выжжено, поломано, стоит одна маленькая избушка.

Вошли братья в избушку. Лежит на печке старая старуха да охает.

— Здравствуй, бабушка! — говорят братья.

— Здравствуйте, добрые молодцы. Куда путь держите?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост. Хотим с чудом-юдом сразиться, свою землю оборонить.

— Ох, молодцы, за дело взялись! Ведь он, злодей, всех разорил, разграбил, лютой смерти предал. Ближние царства хоть шаром покати. И до нас добрался, только я здесь одна и уцелела: видно, я уж и чуду-юду на еду не гожусь...

Переночевали братья у старухи, поутру рано встали и отправились снова в путь-дорогу.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. По всему берегу лежат кости человеческие.

Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

— Ну, братцы, — говорит Иван, — заехали мы в чужедальную сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди в дозор ходить, чтоб чудо-юдо через калиновый мост не пропустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прощёл он по берегу, посмотрел за реку Смородину — всё тихо, никого не видеть, ничего не слышать. Лёг старший брат под ракитов куст да и заснул крепко.

А Иван лежит в избушке — не спится ему, не дремлет. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине. Смотрит — под кустом старший брат спит, во всю мочь храпит.

Не стал Иван его будить, спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — подъезжает чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ошетинился.

Говорит чудо-юдо шестиголовое:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, чёрный ворон, встрепенулся? Почему ты, чёрный пёс, ошетинился? Или вы чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился — так на бой не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван — крестьянский сын из-под моста и говорит:

— Не хвались, чудо-юдо поганое! Не подстрелив ясного сокола, рано перья щипать. Не узнав доброго молодца, нечего бранить его. Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они, поравнялись да так ударились, что кругом земля застонала.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван — крестьянский сын с одного взмаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван — крестьянский сын! — кричит чудо-юдо. — Дай мне роздыху!

— Что за роздых! У тебя, чудо-юдо, три головы, а у меня одна. Вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились.

Иван — крестьянский сын отрубил чуду-юду и последние три головы. Рассек туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

— Ну что, не видел ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

Иван ему ни словечка на это не сказал.

На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, походил, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он тотчас снарядился, взял свой острый

меч и пошёл к реке Смородине. Спрятался под калиновый мост и стал караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — подъезжает чудо-юдо о девяти головах.

Только на калиновый мост въехал, конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади чёрный пёс ошетинился. Чудо-юдо коня плёткой — по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, чёрный ворон, встрепенулся? Почему, чёрный пёс, ошетинился? Или чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился — так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван — крестьянский сын из-под калинового моста:

— погоди, чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Ещё посмотрим, чья возьмёт.

Махнул Иван своим булатным мечом раз, два, да и снёс у чуда-юда шесть голов. А чудо-юдо ударил — по колена Ивана в сырую землю вогнал. Иван — крестьянский сын захватил горсть песка и бросил своему супротивнику прямо в глазища. Пока чудо-юдо глазища протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом рассек туловище на мелкие части, побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся, лёг и заснул.

Утром приходит средний брат.

— Ну что, — спрашивает Иван, — не видал ли ты за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал.

— Ну, коли так, пойдёмте со мной, братцы дорогие, я вам и комара и муху покажу.

Привёл Иван братьев под калиновый мост, показал им чудо-юдовы головы.

— Вот, — говорит, — какие здесь по ночам мухи да комары летают. А вам, братцы, не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья.

— Сон, — говорят, — повалил...

На третью ночь собрался идти в дозор сам Иван.

— Я, — говорит, — на страшный бой иду, а вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой посвист — выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришёл Иван — крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым мостом, дожидается.

Только пошло время за полночь, сыра земля задрожала, воды в реке взволновались, буйные ветры завывали, на дубах орлы закричали... Выезжает чудо-юдо о двенадцати головах. Все двенадцать голов свистят, все двенадцать огнём-пламенем пышут. Конь чуда-юда о двенадцати крылах, шерсть у коня медная, хвост и грива железные. Только въехал чудо-юдо на калиновый мост — конь под ним споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, чёрный пёс позади ошетинился. Чудо-юдо коня плёткой по бокам, ворона — по перьям, пса — по ушам:

— Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, чёрный ворон, встрепенулся? Почему, чёрный пёс, ошетинил-

ся? Или чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он ещё не родился, а если и родился — на бой не сгодился: только дуну — его и праху не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван — крестьянский сын:

— Погоди хвалиться: как бы не осрамиться!

— А, так это ты, Иван — крестьянский сын! Зачем пришёл?

— На тебя, вражья сила, посмотреть, твоей крепости испробовать!

— Куда тебе мою крепость пробовать! Ты муха передо мной.

Отвечает Иван — крестьянский сын чуду-юду:

— Я пришёл ни тебе сказки рассказывать, ни твои слушать. Пришёл я насмерть воевать, от тебя, злодея, добрых людей избавить!

Размахнулся Иван своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем — приросли головы, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Ивану: чудо-юдо свистом его оглушает, огнём жжёт-палит, искрами осыпает, по колена в сырую землю вгоняет. А сам посмеивается:

— Не хочешь ли малость отдохнуть, Иван — крестьянский сын?

— Что за отдых! По-нашему — бей, руби, себя не береги, — говорит Иван.

Свистнул он, гаркнул, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья остались. Рукавица все стёкла в окнах повыбила, а братья спят, ничего не слышат...

Собрался Иван с силами, размахнулся ещё раз, сильнее прежнего, и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил свои головы, черкнул огненным пальцем — и опять все головы на местах. Кинулся он тут на Ивана — забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван — дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван — крестьянский сын, — срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — головы опять приросли. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в землю по самые плечи...

Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась, чуть по брёвнам не раскатилась. Тут только братья проснулись, слышат — Иванов конь громко ржёт да с цепей рвётся.

Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами Ивану на помощь побежали.

Иванов конь прискакал, начал бить чуду-юдо копытами. Засвистел чудо-юдо, зашипел, стал искрами коня осыпать... А Иван — крестьянский сын тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы — сшиб все до единой, туловище на мелкие части рассек и побросал в реку Смородину.

Прибегают тут братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван. — Из-за вашего сна я чуть головой не поплатился.

Привели его братья в избушку, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

Поутру ранёшенько Иван встал, начал одеваться-обуваться.

— Куда это ты в такую рань поднялся? — говорят братья. — Отдохнул бы после такого побоища.

— Нет, — отвечает Иван, — не до отдыха мне: пойду к реке Смородине свой платок искать — обронил там.

— Охота тебе! — говорят братья. — Заедем в город — новый купишь.

— Нет, мне мой нужен!

Отправился Иван к реке Смородине, перешёл на тот берег через калиновый мост и прокрался к чудо-юдовым каменным палатам. Подошёл к открытому окошку и стал слушать, не замышляют ли здесь ещё чего.

Смотрит — сидят в палатах чудо-юдовы жёны да мать, старая змеиха. Сидят они да сговариваются.

Старшая говорит:

— Отомщу я Ивану — крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперёд, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама оборочусь колодцем. Захотят они воды испить и с первого же глотка лопнут!

— Это ты хорошо придумала, — говорит старая змеиха.

— И я за своего отомщу, — вторая говорит. — Забегу вперёд и оборочусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть — тут их и разорвёт на мелкие частички!

— И ты хорошо вздумала, — хвалит старая змеиха.

— А я, — говорит третья, — напушу на них сон да дрёму, а сама забегу вперёд и оборочусь мягким ковром с шёлковыми подушками. Захотят братья полежать, отдохнуть — тут-то их и спалит огнём!

Отвечает ей змеиха:

— И ты хорошо придумала. Ну, а если вы не сгубите, то завтра я сама их догоню и всех троих проглочу!

Выслушал Иван — крестьянский сын эти речи и вернулся к братьям.

— Ну что, Иванушка, нашёл ты свой платочек? — спрашивают братья.

— Нашёл.

— И стоило время на это тратить!

— Стоило, братцы!

После того собрались братья и поехали домой.

Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, пить хочется — терпенья нет. Смотрят братья — стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает. Говорят они Ивану:

— Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьём и коней напоим.

— Неизвестно, какая в том колодце вода, — отвечает Иван. — Может, гнилая да грязная.

Соскочил он с коня, начал тот колодец мечом сечь да рубить. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала — и пить не хочется.

— Вот видите, братцы, какая вода в колодце была! — говорит Иван.

Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли ехали — увидели яблоньку. Висят на ней яблоки спелые да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать, а Иван — крестьянский сын забежал вперёд и давай яблоню мечом сечь да рубить. Завыла яблоня, закричала...

— Видите, братцы, какая это яблоня! Невкусные на ней яблоки.

Сели братья на коней и поехали дальше.

Ехали они, ехали, сильно утомились. Смотрят — лежит на поле ковёр мягкий, а на нём подушки пуховые.

— Полежим на этом ковре, отдохнём немного, — говорят братья.

— Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать, — отвечает Иван.

Рассердились на него братья:

— Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ снял свой кушак и на ковёр бросил. Вспыхнул кушак пламенем — ничего не осталось на месте.

— Вот и с вами то же было бы! — говорит Иван.

Подошёл он к ковру и давай мечом ковёр да подушки на мелкие лоскутки рубить. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

— Напрасно вы, братцы, упрекали меня! Ведь и колодец, и яблонька, и ковёр этот — все чудо-юдовы жёны были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Много ли, мало ли проехали — вдруг небо потемнело, ветер завыл, загудел: летит за ними сама старая змеиха. Разинула пасть от неба до земли — хочет Ивана с братьями проглотить. Тут молодцы, не будь дурны, вытащили из своих котомок дорожных по пуду соли и бросили змеихе в пасть. Обрадовалась змеиха — думала, что Ивана — крестьянского сына с братьями захватила. Остановилась и стала жевать соль. А как распробовала — снова помчалась в погоню.

Видит Иван, что беда неминуемая, — припустил коня во всю прыть, а братья — за ним. Скакали-скакали, скакали-скакали...

Смотрят — стоит кузница, а в этой кузнице двенадцать кузнецов работают.

— Кузнецы, кузнецы, — говорит Иван, — пустите нас в свою кузницу!

Пустили кузнецы братьев, сами за ними кузницу закрыли на двенадцать железных дверей, на двенадцать кованых замков.

Подлетела змеиха к кузнице и кричит:

— Кузнецы, кузнецы, отдайте мне Ивана — крестьянского сына с братьями!

А кузнецы ей в ответ:

— Пролижи языком двенадцать железных дверей, тогда и возьмёшь!

Принялась змеиха лизать железные двери. Лизала-лизала, лизала-лизала — одиннадцать дверей пролизала. Осталась всего одна дверь...

Устала змеиха, села отдохнуть.

Тут Иван — крестьянский сын выскочил из куз-

ницы, схватил змеиху да со всего размаха ударил её о сырую землю. Рассыпалась она мелким прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял. С тех пор все чуда-юда да змеи в том краю повывелись — без страха люди жить стали.

А Иван — крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери. И стали они жить да поживать, поле пахать, рожь да пшеницу сеять.

СОДЕРЖАНИЕ

Семь Симеонов — семь работничков. (Рис. И. Кузнецова)	3
Солдат Семён — скорый гонец. (Рис. В. Минаева) . .	13
Матюша Пепельной. (Рис. Т. Мавриной)	27
Иванъ — крестьянский сын и чудо-юдо. (Рис. И. Кузнецова)	49

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43. Дом
детской книги.*

Цена 90 коп.

Обложка И. Кузнецова

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор В. Гакина. Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор М. Суховцева.

Корректоры Б. Третьяченко и Е. Кайрукштис.

Сдано в набор 29/III 1952 г. Подписано к печати 31/VII 1952 г. Формат 60 X 92¹/₁₆ —
2,13 бум. = 4,25 печ. л. (2,54 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. А05823. Заказ № 455.

Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.